

ПОССЕВ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

POSSEV

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland
Social and Political Review in Russian Language. Germany
Hebdomadaire politique et social en langue russe. AllemagneАдрес редакции и издательства: Verlag „Possev“ - Frankfurt/Main, Medianstraße 24 a
Представительство редакции в Берлине: „Possev-Vertriebung“ - Berlin-Grünwald, Hohenzollerndamm 59-60

Выходит по воскресеньям

Цена отдельного номера в розничной продаже 70 пф.

X ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 11 ИЮЛЯ 1954 г.

№ 28 (427)

НАШ ЧЕХОВ

Время способно на многое. Время излечивает раны, примиряет даже непримиримое, приучает к новому. Время освящает и делает обычным то, что сначала казалось святотатством. На авторитете времени основаны традиции. И вот, прошло около сорока лет с того трагического дня, когда была задушена русская свобода и группа заговорщиков водворилась в Кремле. Сорок лет — срок большой. Многие переменялись за это время, мир переменялся. Одно осталось неизменным: заговорщики остались заговорщиками. Сегодня внутренние, духовные отношения между властью и народом ничем не отличаются от таких же отношений сорок лет назад.

Как это странно! Ведь за эти годы неизбежно должно было бы произойти примирение между противниками. Консерваторы должны были бы смириться, признать неизбежность, непобедимость нового. Новое должно было перестать быть новым, должно было стать привычным, старым. Не следует, к тому же забывать, что за это время над страной пронеслась такая война. И такая победа. Казалось бы куда дальше идти? Что сближает больше, чем общая борьба и общая победа? Став на ту же самую позицию в отношении внешнего врага, власть и народ должны были бы, кажется, достичь компромиссов и во внутренних делах.

Ничего этого не случилось. Захватчики остаются захватчиками. Иудино клеймо до сих пор на их лбу. Им не спрятаться и не уйти. Их видно.

Сорок лет, не прекращаясь, идет борьба — только в этом можно усмотреть какую-то, освященную временем, традицию. Традицию перманентной гражданской войны. Войны внутренней и внешней: внешней в жизни людей, внутренней — в их душах.

Это не дуэль. Здесь не может быть красивых жестов и примирения после неудачного выстрела. Не может здесь быть и никаких «джентльменских соглашений». Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Быть русскому народу, не быть больше России? — вот что лежит на весах этой борьбы. Народ, не сумевший отстоять свою душу, погибает. Народ, поддающийся на временный соблазн, платит за это дорого. Русский народ свою ошибку давно уже оплатил своей кровью и своими слезами. И потому не погибнет. Коммунизм умрет, Россия останется. Не может не остаться.

Нынешняя Россия похожа на захваченный пиратами корабль. Он движется, он идет, но почему? Он движется и идет, но только пока ко лбу каждого матроса и офицера приставлен револьвер. Повторяем — каждого! Отвести руку на минуту, и всё кончится. Корабль изменит свой путь, захватчики полетят за борт.

*

Какое отношение имеет всё это к Чехову? Самое непосредственное. Ведь и имя Чехова сияет на том фиговом листке, которым пытаются прикрыть свою наготу коммунизм. И его записали они в «прогрессивные». И от него — человеколюбца — пытаются протянуть к себе хотя бы тоненькую ниточку. Стоит ли говорить «не выйдет!»? Разве это не ясно всем?

Кого могут они обмануть? Разве тех, кто Чехова не любит, не хочет понимать, над ним не задумывается. Но с такими не стоит и говорить. Их горсточка в МВД. В народе их нет, если понимать под народом то, что под этим понимал Чехов. Разве спокойный, мягкий голос Чехова не звучит громче любого вопля любых «комментаторов»? И все знают: коммунисты уходят, Чехов остается.

Можно ли представить себе нашего Чехова среди этого истерического захлебывания «достижениями», среди этого безудержного, хлестаковского хвастовства? Он бы утонул в нем, задохнулся бы в этой душной атмосфере лжи и обмана! Мы то, мы другое, мы третье! И было бы Чехову, как и нам, непонятно: зачем кричать, если это так? пусть другие заметят и скажут. Разве так не приятнее?

Русской культуре коммунистических подачек не надобно. Она богата и без того. Все эти досужие вымыслы о том, что «мы всё первые выдумали», русскому народу ни к чему. Народ ведь знает, что именно выдумали мы, а чем обязаны мы другим, постольку же, поскольку и другие обязаны нам в чём-то ином. Кого же обманывать?

Как-то так невольно, говоря о Чехове, говоришь о народе. В более широком смысле, чем об этом говорила русская интеллигенция. Говоришь о маленьких людях, о тех самых маленьких людях, которые сегодня гибнут на Воркуте и Караганде. О тех самых, которых тысячами и миллионами гнали на новостройки, чьи-то трупами застилали «узкие места коммунизма».

С какой задушевной теплотой, с каким пониманием говорил Чехов о маленьких людях. В рассказах они были живыми. Они страдали и мучились. Они радовались и восторгались. Он не требовал от них ничего.

Они должны были быть просто людьми. Он знал, как трудно им, с каким огромным трудом постигается «знание жизни», которое всегда для каждого своё. Он шёл за ними их путём и как огромна была радость его, когда некоторые из них приходили к своему возрождению. И уж, конечно, не Чехову было исповедывать это дикарское: «врага уничтожают». У Чехова не могло быть врагов. Во всяком случае, сам он никого врагом своим считал не мог. Враги у Чехова появились недавно. Эти враги — коммунисты.

Что из того, что они богомольно произносят при всяком удобном и неудобном случае имя великого русского гуманиста. Не громче ли их дела их слов?

Чехов и Катенька! Чехов и Винница! Чехов и Караганда! Какая подлость! Какое кощунство!..

С Чеховым ушла из русской (и из мировой) истории целая эпоха. Эта эпоха была отмечена появлением и развитием замечательного человеческого типа: типа русского интеллигента. Начиная от Радищева, с его: «я взглянул окрест меня и душа моя страданиями человеческими уязвлена стала быть», через Белинского, до Чехова. Путь русского интеллигента был путем страдания за всех. Приятия чужого страдания на себя. Добровольного приятия. Это время прошло. Не будем спорить о настоящем и будущем русского интеллигента. Его — русского интеллигента — расстреляла коммунистическая власть. Расстреляла бы она и Чехова. К счастью, он умер раньше. Ему не было места в этом мире. Что бы делал сегодня великий

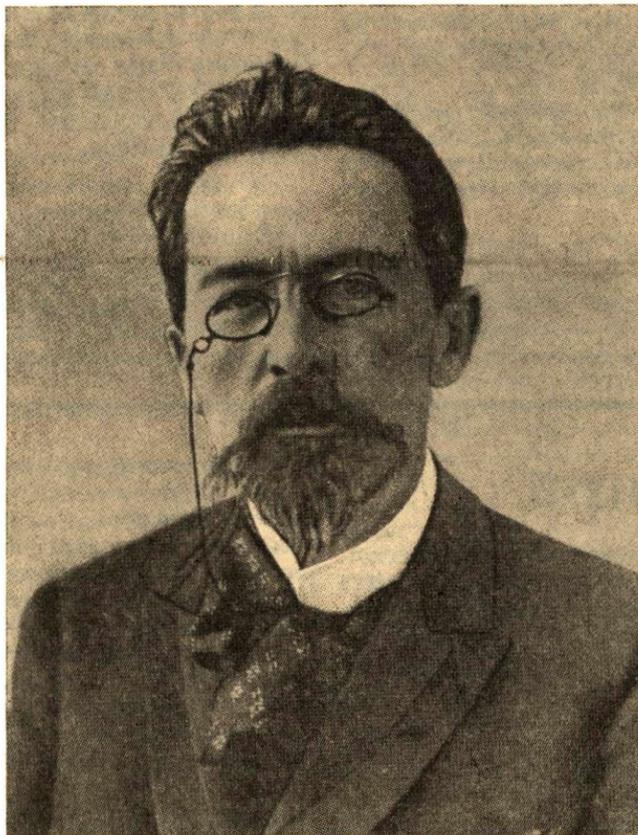
писатель, если бы судьба не пожалела его и отсрочила бы ему смерть? — Сидел бы он в омитрадии, либо погибал бы на Воркуте!

Одно можно сказать с уверенностью: среди сталинских лауреатов его имени не было бы!

В конце этого года мир станет свидетелем еще одного позорного зрелища. В Москве съедутся задавленные, задушенные, отравленные русские писатели. Проходимцы из коммунистической партии будут ставить им условия, при которых писатели могут сохранить свою жизнь, получить автомобиль, виллу, еще что-то. Писатели будут каяться и признаваться в своих грехах. Всё это будет проходить перед глазами современного, культурного, цивилизованного человечества двадцатого века. И многие глубокомысленные люди во всех свободных странах мира с серьезным видом будут обсуждать сказанное на этом совещании, будут говорить о каких-то взглядах русских писателей, о каких-то установках. Кое-кого эта комедия, может быть, даже обманет. Здесь речь не о том. Речь здесь о том, что если бы Чехов жил бы, то и его потянула бы «любимая партия» в этот цирк, и его попыталась бы поставить на колени.

Нет, Чеховым коммунистам не прикрыться. И Пушкиным, и Белинским. Никакая способность камуфляжа не поможет. Врага видно. Он всегда будет выделяться. Он, с его претензией на сверх-человечность, будет вечно носить кайново клеймо, по которому будут узнавать его и современники и грядущие поколения.

Н. Гуцин

А. П. ЧЕХОВ
С фотографии 1904 г.